

МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-189-195

В. В. Сазанов¹

*Красноярский Государственный педагогический университет имени
В. П. Астафьева*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: РОМАН СЕНЧИН «ЗОНА ЗАТОПЛЕНИЯ»

В статье рассматривается современный роман «Зона затопления» Р. В. Сенчина, в котором автор поднимает актуальные экологические проблемы. Осуществляется исследование отраженных в произведении последствий строительства Богучанской ГЭС и художественных средств. Устанавливается возможность назвать этот текст романом-предупреждением и обнаружить связь с писателями-предшественниками в выражении нравственной позиции.

Ключевые слова: экологическая проблема, экологическая проза, традиционная литература.

V. V. Sazanov

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev

ECOLOGICAL PROBLEMS IN MODERN PROSE: ROMAN SENCHIN FLOOD ZONE

The article deals with the modern art novel *The Flood Zone* by R. V. Senchin, where the author raises current environmental problems. The article examines the Boguchany Dam building consequences and the stylistic devices of the novel. The option of considering the text as the warning novel and finding the connection with the predecessor writers in the moral position expression is specified.

Keywords: V. R. Senchin, *Flood zone*, environmental issue, environmental prose, traditional literature.

Писателями второй половины XX века, вернувшимися к поиску «духовного смысла природного мира в жизни нации», стали представители так называемой традиционной литературы, прежде всего те из них, кто был генетически связан с русской деревней: В. Астафьев, В. Распутин, В. Крупин и другие. Традиционалисты создали натурфилософскую прозу, которая стала идейно-эстетическим явлением, возвращавшим сознание представителей современной цивилизации к древним представлениям о природе как первооснове бытия. В художественных произведениях и публицистике представителей литературного процесса конца 70-х – 80-х С. Залыгина, В. Астафьева, В. Распутина, Ю. Казакова и некоторых других актуализирован комплекс социально-нравственных проблем,

---

¹ Владимир Владимирович Сазанов, аспирант кафедры мировой литературы и методики ее преподавания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева

определяемых критикой и литературоведами как экологические. Общество обязано литературе как важнейшему фактору формирования экологического сознания, экологической культуры, возвращения к идее принципиального единства и взаимозависимости человека и природы, ответственности человека за экологическую ситуацию.

Тема природы и человека в русской литературе была предметом многих литературоведческих исследований (А. И. Смирнова, Е. В. Петушкова), научных конференций, проводимых в Волгограде, Мичуринске. Научная рефлексия, касающаяся экологической проблематики, содержится в монографии А. Разуваловой «Писатели-«деревенщики». Автор рассматривает феномен деревенской прозы как «легитимную форму консервативного высказывания в культуре «долгих 1970-х», высказывания, претендовавшего на действенную защиту «живого» и «естественного» от опасностей научно-технического процесса» [Разувалова, 2015, с. 275].

Это говорит о том, что проблема звучит на сегодняшний день достаточно актуально и она достойна особого рассмотрения.

Появление романа «Зона затопления» Романа Сенчина, который получил премию «Большая книга» и вызвал дискуссии в литературной среде, стало событием благодаря остросоциальной теме – хищнического, стяжательского отношения к природным ресурсам.

Поэтика, в том числе связь этого произведения с текстами традиционалистов, прежде всего с повестью В. Распутина «Прощание с Матерой», стали объектами изучения в статье Н. В. Ковтун «Историоризация мифа: от благословенной Матери к Пылёво... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина)».

Целью данного исследования является выявление содержательных аспектов романа «Зона затопления», связанных, прежде всего, с экологической проблематикой.

По форме изложения роман Сенчина можно отнести к пограничному варианту между бытовой прозой и прозой нон-фикшн. Фактология, положенная в основу сюжета, исторична, конкретна и лишена элементов художественного вымысла. Текст становится более убедительным во многом из-за того, что Сенчин использует большое количество фактов из достоверных источников, взятых с сайта «Плотина. Нет!», созданного сотрудниками Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Документальность, отсутствие мифологического кода, о чем писала Н. В. Ковтун, характерный для литературы нового века идеологический диалог с классикой, знание бытовых реалий провинциальной деревенской жизни, художественная попытка воплощения онтологических смыслов через бытовое существование и частные судьбы – вот основные, на наш взгляд, отличительные особенности анализируемого текста.

В начале повествования автор напоминает о строительстве в 1974 году на реке Ангара Богучанской ГЭС. Активное начало строительства было вскоре заморожено почти на тридцать лет, но с приходом новой власти работы возобновились. Такое

решение было принято с целью получения прибыли и политических дивидендов. Проблемы, которые поднимает Сенчин, в первую очередь, касаются непосредственно самих людей и их сложившегося за многие годы уклада жизни. В процессе стройки рушился вековой устойчивый мир, сжигались дома и затапливались целые деревни, переселяли тысячи человек в города, уничтожили жизни и судьбы непокорных.

На этом строится и основной конфликт романа – взаимоотношение власти и простых людей. С первых страниц повествования ясно, что ситуация складывается безвыходная, нужно просто смириться и жить дальше. Но нашлись и такие, кто отважился противостоять и бороться. К сожалению, совсем немного.

Важно отметить особенности композиции романа. Текст состоит из десяти глав. Каждая глава – это отдельная завершенная история, которая может существовать сама по себе, отдельно от всего произведения. Но в совокупности текст как мозаика выстраивается в одно единое полотно, в целую панораму провинциальной жизни части огромной территории Сибири. Главного героя в произведении как такового нет. Возможно, автор выбрал такую структуру, чтобы показать наиболее полную картину из жизни людей разных слоев общества.

Обратимся к описанию трагических последствий самого затопления, так как именно оно является выражением экологической составляющей текста.

Примерно с середины романа (5 гл. «Миражи на дне») нам открываются безрадостные последствия строительства ГЭС. Один из героев романа задается вопросом: «разве нет других, новых способов добывать электроэнергию, кроме как строить плотины, затапливать тысячи гектаров земли?» [Сенчин, 2016, с. 202]². Мир в развитии технологий давно шагнул вперед и такие варварские методы должны по идее остаться далеко в прошлом. По его мнению, даже атомные станции гораздо разумнее, ведь если подсчитать, сколько территорий было затоплено при строительстве различных ГЭС по всей России, то это будет немалая часть суши: «Глянешь – от истока до их плотины на протяжении тысячи километров почти не осталось природного берега. Все пашни, луга, покотины похоронены под водой. И теперь берегами стали склоны гор, топи и болота, гнилая тайга» (с. 203). Монолог персонажа по стилю напоминает фрагмент публицистической статьи, но для людей, оказавшихся в эпицентре зоны затопления, характерно высказывать обобщающие и оценочные суждения такого плана.

Но, несмотря на уже случившееся, один из героев романа – Брюханов, житель затопленной деревни надеется, что «скоро человечество одумается и поймет, что Земля – родная и единственная, не надо губить ее, нельзя так бешено выкачивать нефть и газ, косить леса. Одумается, станет беречь Землю и самих себя, своих потомков» (с. 207) – утопическое желание простого, естественного человека, возможно, созвучное авторской позиции.

² Далее цитируется по этому изданию. Номера страниц указываются в круглых скобках после цитаты.

В седьмой главе под зловещим названием «Экзгумация» дано описание подготовки к затоплению кладбища, вывоза останков умерших жителей зоны на новые места. Герой Алексей едет со своим знакомым помогать перезахоранивать людей. Картина, которую он видит, представляет подобие антиутопических описаний: «...под воду уходят тысячи берез, сосен, ёлок, унавоженные огороды, огарки домов, груды железа... Лишь изредка встречались голые, без деревьев, деляны. Хотя и здесь – корни, чернозем, которые будут гнить и гнить, испуская яд» (с. 227).

За описанием надвигающегося экологического бедствия следует публицистическое размышление автора или героя через форму несобственно-прямой речи: «Да и не под силу людям подготовить это пресловутое ложе так, чтобы не было опасности испортить воду. Природа тысячами лет все здесь распределяла, раскладывала по полочкам, мыла, очищала. И тут приходит человек и диктует свое, да еще приговаривает: “Ничего страшного, мы все подготовим”». Смешно» (с. 227). Городской человек, имеющий власть и возможности как угодно распоряжаться природными ресурсами в данном случае при всей своей образованности не способен, не умеет или, наоборот, со всей сознательностью дела, что наиболее страшно, абсолютно рушит перспективу существования человеческого общества: «Пропа-ала река, выло в голове в тон мотору.– Пропа-ало всё-о» (с. 228). Здесь образ реки предстает как экологическая метафора жизни. Отсутствие реки несет за собой гибель, смерть региона со всей его экосистемой. Как в подтверждение этому герой встречает на своем пути «брошенные», без пастуха, «оставленные дичать» табуны лошадей. Многочисленность подобных фактов подтверждается очевидцами. Вечером возле костра один из мужиков, который приехал с группой по проведению экзгумации, рассказывает собравшимся о том, что, плавая по затопленным территориям и глядя в воду, можно увидеть жуткие картины – затопленные верхушки деревьев, настоящий лес, «то ли елок, то ли лиственниц». А в верховьях Енисея вся рыба пошла сорная, больная, полная кишасцами паразитами.

Приехав на кладбище, Алексей обнаружил, что многие могилы остались целыми. Их так и не выкопали, и не перезахоронили людей: «Страшно было думать, что кости тысяч людей уходят под воду. Добиваться выкопать эти кости из земли тоже, впрочем, страшно. И так и эдак неправильно...» (с. 230). Кладбище – это еще и память, история народа, жившего на этой территории. Процесс затопления полностью стирает этот пласт бытия, обрекая местных жителей на полное культурно-историческое забвение.

Еще одно страшное последствие затопления, описанное автором, произошло с Алексеем на обратном пути. Он не смог проплыть на лодке и пошел пешком. По пути наткнулся на ондатру. Предположив, что она попала в беду, он ткнул в нее пальцами, но она как-то странно отреагировала, подозрительно непугливо уставившись на него. Вскоре выяснилось, что Алексей заразился, предположительно сибирской язвой. Впоследствии Ольга – журналистка из Красноярска, поедет специально навестить его в больнице в Канске, но ее не

допускают до больного. И она не получит по этому поводу никакой информации. Отсюда вывод – все эти последствия замалчивались властями, и ни в прессе, ни по телевидению об этом ничего не сообщалось.

Образ журналистки Ольги связан с идеей борьбы за справедливость и ее безнадежности. Ольга работает в газете «Голос рабочего», которая существует ещё с советских времен. Газета на грани выживания, и особого энтузиазма у работников нет. Журналистку посылают в командировку, ездить в которые она совсем не любила: «Ее, уроженку почти миллионника, выезжавшую за его пределы редко и недалеко, всегда удивляло, что люди могут, а главное, хотят жить в глухих деревнях, в избушках, где, если не потопить зимой печку, через несколько часов вода в ведре превратится в лёд» (с. 151). Она, как и многие городские жители смотрела на это все скептически и считала, что эти «эти деревушки с сотней-другой упорных жителей тормозят прогресс» (с. 152).

Постепенно взгляд Ольги на происходящее менялся. Особенно после посещения некоторых сёл. В Большаково её поразило то, что оно «не напоминало дачные посёлки..., это было настоящее сибирское село – одно из тех, благодаря которым Сибирь и стала российской землей не только формально, но и кровно» (с. 154). Такая поездка изменила ее отношение к деревням. За несколько лет у нее накопились статьи, которые она публиковала, и все чаще сама стремилась поехать в зону затопления.

Ольга, изучая материалы по затоплению, наткнулась на такие, например, свидетельства: «Совершенно точно знаю, что в с. Усово затопили кладбище. ... Так же затопили скотомогильник (возможно, с сибирской язвой) метрах в 500–600 от кладбища» (с. 313).

«А у нас скотомогильник покрыли бетоном. Все по технологии. А потом стали уточнять место, оказалось, что на километр ошиблись!» (с. 313).

Роман «Зона затопления» буквально наполнен высказываниями документально-публицистического характера. Возможно, журналистский стиль без художественной обработки может показаться недостатком, но автор использует это в качестве самого сильного средства, чтобы сделать текст более достоверным и убедительным, что является признаком мастерства (черта неореализма): «... любое захоронение при затоплении несет серьезные экологические риски: от различных вирусов, многие из которых живут чрезвычайно долго, до токсинов вроде трупного яда» (с. 315).

Несмотря на обилие фактов и свидетельств очевидцев, публикаций в СМИ (их было хоть и не так много, но они были), ситуация абсолютно никак не менялась. Все попытки Ольги донести до людей правду оказались тщетными.

Подобно «Прощанию с матерой» – «Зона затопления» имеет открытый финал. Он безрадостен, даже апокалиптичен. Переселенцы поехали в родительский день уже на новое кладбище, на которое перенесли часть могил с мест затопления, но неожиданно обнаружилось, что постепенно кладбище топит. Видимо, где-то прорвало плотину, и хлынула вода. Люди были вынуждены спасаться бегством:

«Меж холмиков, как какие-то щупальца, ползла вода. Медленно, тяжело, тратя силы и время на то, чтобы промочить, напитать сухую почву. Концы этих щупальцев словно провалились в землю, делая ее, серовато-коричневую, почти черной, но через несколько секунд новый толчок огромного организма двигал щупальце дальше. И новая полоска земли чернела, вода исчезала, а следом уже шел новый толчок. Этих щупальцев становилось все больше, они двигались по дорожкам, охватывали кладбище... Меж крестов бежали к дороге люди» (с. 379).

Роман «Зона затопления» со всей очевидностью является примером современной экологической прозы. Текст можно назвать романом-предупреждением, потому что наиболее полную оценку последствий строительства ГЭС сейчас могут дать только ученые-экологи. Можно предположить, что неореалисту Сенчину не чужды установки писателей-традиционалистов. Его роман – свидетельство неявной связи с писателями-предшественниками в выражении нравственной позиции. Однако, его отличает экзистенциальная безысходность или онтологический тупик в изображении настоящего момента жизни цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ковтун, Н. В. Историоризация мифа: от благословенной Матеры к Пылево... (об авторском диалоге В. Распутина и Р. Сенчина) / Н. В. Ковтун // Вестник ОмГПУ. – 2017. – № 4. – С. 81–87.

Петушкова, Е. В. Экологические проблемы в отечественной публицистике второй половины XX века: С. Залыгин, В. Астафьев, В. Распутин: дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Петушкова. – Тверь, 2004. – 174 с.

Перкиёмяки, Мика. Образ реки в повести-очерке В. Распутина «Вниз и вверх по течению» в контексте темы экологической справедливости / Мика Перкиёмяки // Русский традиционализм. История, идеология, поэтика, литературная рефлексия. – Москва: Флинта, Наука, 2016. – С. 178–189.

Природа и человек в русской литературе: материалы всероссийской научной конференции. – Волгоград, 2000. – 187с.

Разувалова, А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А. И. Разувалова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2015. – 616 с.

Сенчин, Р. В. «Зона затопления» / Р. В. Сенчин. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. – 381с.

Смирнова, А. И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: учебное пособие / А. И. Смирнова. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 288с.

REFERENCES:

Kovtun, N. V. IstoriORIZACIYA mifa: ot blagoslovennoj Matery k Pylevo... (ob avtorskome dialoge V. Rasputina i R. Senchina) / N. V. Kovtun. – Vestnik OmGPU. – 2017. – № 4. – S. 81–87.

Petushkova, E. V. Ekologicheskie problemy v otechestvennoj publicistike vtoroj poloviny XX veka: S. Zalygin, V. Astaf'ev, V. Rasputin: dis. ... kand. filol. nauk / E. V. Petushkova. – Tver', 2004. – 174s.

Perkiyomyaki, Mika. Obraz reki v povesti-ocherke V. Rasputina «Vniz i vverh po techeniyu» v kontekste temy ekologicheskoy spravedlivosti / Mika Perkiyomyaki // Russkij tradicionalizm. Istoriya, ideologiya, poetika, literaturnaya refleksiya. – Moskva: Flinta, Nauka, 2016. – S. 178–189.

Priroda i chelovek v russoj literature: materialy vsrossijskoj nauchnoj konferencii. – Volgograd, 2000. – 187s.

Razuvalova, A. I. Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-h godov / A. I. Razuvalova. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 616 s.

Senchin, R. V. «Zona zatopeniya» / R. V. Senchin. – Moskva: Izdatel'stvo AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2016. – 381s.

Smirnova, A. I. Russkaya naturfilosofskaya proza vtoroj poloviny XX veka: uchebnoe posobie / A. I. Smirnova. – Moskva: Flinta, Nauka, 2009. – 288s.